

Российско-американские отношения в период второго президентства В. Путина

Косов А.П.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск*

В статье исследуются проблемы российско-американских отношений во время второго президентства В. Путина. Автор анализирует основные направления сотрудничества и соперничества Москвы и Вашингтона в обозначенный период, акцентируя внимание на основных точках двустороннего взаимодействия.

Цель работы – рассмотреть эволюцию российско-американских отношений в 2004–2008 гг.

Материал и методы. Представленная статья основывается на публикациях, посвященных проблемам международного развития. При этом используются общенаучные и специально-исторические методы.

Результаты и их обсуждение. Особое внимание автор уделяет российским и американским подходам к борьбе с международным терроризмом, решению проблем стратегической безопасности и вопросам нераспространения оружия массового уничтожения (ОМУ). Кроме того, в статье показывается разное видение политической элитой России и США современного мирового порядка, американское вмешательство во внутренние дела Российской Федерации и ответная реакция Москвы, подчеркивается тенденция усиления геополитического соперничества двух держав на постсоветском пространстве, особенно в Закавказье, Центральной Азии и Украине.

Заключение. Сделан вывод, что в период второго президентства В. Путина в российско-американских отношениях сотрудничество между двумя державами по важным направлениям мировой политики и международной безопасности стало уступать место конфронтации. Главной причиной ухудшения атмосферы взаимоотношений стало концептуальное расхождение Москвы и Вашингтона относительно практически всей повестки их отношений – от создания нового мирового порядка до политического развития постсоветского пространства и самой России.

Ключевые слова: Россия, США, В. Путин, Дж. Буш-мл., российско-американские отношения.

(Ученые записки. – 2018. – Том 28. – С. 83–91)

Russian-American Relations during the Second Presidency of V. Putin

Kosov A.P.

Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

Issues of Russian-American relations during the second presidency of V. Putin are considered in the article. The author analyzes basic directions of the cooperation and competition of Moscow and Washington in period under review and draws attention to the main points of the bilateral interaction.

The purpose of the work is to consider the evolution of Russian-American relations in 2004–2008.

Material and methods. The present paper is based on publications on the problems of international development with the application of general scientific and special historic methods.

Findings and their discussion. Special attention is paid to Russian and American approaches to combating international terrorism, to solving the problems of strategic security as well as issues of non-proliferation of mass destruction weapons (MDW). Besides, different vision by the political elite of Russia and the USA of the contemporary global order is presented as well as American intrusion into the internal affairs of the Russian Federation and Moscow's response, the increase the tendency of strengthening of geopolitical competition of the two powers in the post-Soviet space, especially in the South Caucasus, Central Asia and Ukraine.

Conclusion. Conclusion is made that during the second presidency of V. Putin in Russian-American relations the cooperation between the two countries on significant directions of global policy and international security was gradually substituted by confrontation. The main cause of the worsening of the atmosphere of interrelations was the concept divergence between Moscow and Washington regarding practically all the addenda of their relations – from building a new world order to the political development of the post-Soviet space and Russia itself.

Key words: Russia, the USA, V. Putin, G. Bush, Russian-American relations.

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 28. – P. 83–91)

Как показывает современная история российско-американских отношений, США по-прежнему занимают одно из ведущих мест во внешней политике России. Не стал исключением и период второго президентства В. Путина, ознаменовавшийся существенным охлаждением между Москвой и Вашингтоном. В 2004–2008 гг. несовместимость позиций РФ и США проявилась по всем направлениям: от проблем создания нового мирового порядка до конкретных действий по решению российских внутриполитических проблем и вопросов отношений России и США с другими странами [1, с. 166].

Цель статьи – рассмотреть эволюцию российско-американских отношений в 2004–2008 гг.

Материал и методы. Представленная работа базируется на публикациях российских и американских авторов, посвятивших свои исследования проблеме взаимоотношений Москвы и Вашингтона. Так, можно назвать работы Р. Кагана, А. Стент, А. Арбатова, В. Батюка, М. Братерского, Т. Кашириной, В. Согрина, Т. Шаклеиной и др., в которых освещены вопросы взаимодействия двух держав в обозначенный период.

Методологической основой статьи стала совокупность научных принципов объективности, историзма и достоверности. Для осмысления эволюции российско-американских отношений нами использовались как общенаучные (анализ, синтез, дедукция, индукция, обобщение, сравнение), так и специально-исторические (историко-типологический, историко-генетический, историко-сравнительный) методы исследования, а также системного анализа.

Результаты и их обсуждение. Весной 2004 г. В. Путин переизбрался на второй президентский срок и тем самым продолжил реализацию внутри- и внешнеполитического курса страны, ориентиры которого были намечены еще в период первого президентства. Конечно, в 2004–2008 гг. в его политике произошли изменения, вызванные рядом факторов, в том числе и действиями Вашингтона. В частности, на протяжении второго президентства В. Путина со стороны США существенно усилилась критика поведения российского руководства как внутри страны, так и за ее пределами. Разумеется, Россия в этом плане стремилась не отставать. Для подавляющей части политического истеблишмента двух стран оказались неприемлемыми базовые внешнеполитические принципы друг друга, критиковались конкретные действия Москвы и Вашингтона на мировой арене, нацио-

нальные интересы характеризовались как неправомерные, что свидетельствовало об усилении русофобии в США и антиамериканизма в РФ.

На официальном уровне Вашингтон признавал Россию великой державой, без которой невозможно решить многие важнейшие проблемы, прежде всего в сфере безопасности. На деле же американцы рассматривали РФ как страну, проигравшую «холодную войну», слабую политически и экономически, а значит обязанную подчиняться и вести себя по американским правилам. Но для путинской России статус «проигравшей стороны» был более не приемлем, поэтому Москва стремилась вести себя как великая держава, пусть и уступающая США по целому ряду показателей. Тем самым РФ вернулась в большую политику, и Вашингтон должен был это признать [1, с. 167]. Но американская политическая элита никак не хотела с этим мириться и пыталась всячески противодействовать «возвращению» России. Так, в Стратегии национальной безопасности США, появившейся в марте 2006 г., прямо указывалось на то, что характер отношений с Россией будет напрямую зависеть от российской внутренней и внешней политики. Препятствование Москвой развитию демократии внутри РФ и за ее пределами будет ухудшать развитие российско-американских отношений [2].

В целом в период второго президентства В. Путина узловыми проблемами российско-американских отношений, оказывающими воздействие на их развитие, стали борьба с международным терроризмом, подходы к созданию нового мирового порядка, вопросы стратегической безопасности, нераспространения ОМУ, вмешательство Соединенных Штатов во внутренние дела России и реакция Москвы, соперничество на постсоветском пространстве.

Борьба с международным терроризмом. В 2004–2008 гг. борьба с международным терроризмом по-прежнему оставалась в повестке дня взаимоотношений РФ и США. Свидетельством стали многочисленные встречи и мероприятия, на которых обсуждались вопросы противодействия террористической угрозе. Например, 1 июня 2005 г. прошло первое совместное заседание Комитета по международным делам Госдумы РФ и Комитета по международным отношениям Палаты представителей Конгресса США, по итогам которого было подписано Совместное заявление о противодействии терроризму и незаконному обороту наркотиков. Однако, несмотря на осуществление российско-американского

сотрудничества в вопросах борьбы с терроризмом, даже здесь у сторон проявлялись разногласия. В первую очередь: кого считать террористами? Особенно тогда, когда речь шла о Северном Кавказе. По словам В. Путина, после отдельных случаев, связанных с деятельностью боевиков на Северном Кавказе, у российской стороны сложилось впечатление, что «американские партнеры на словах говорят о поддержке России, говорят о готовности к сотрудничеству, в том числе в борьбе с терроризмом, а на самом деле используют этих террористов для раскачивания внутривнутриполитической ситуации в России» [3, с. 43]. Вашингтон же ссылаясь на то, что США поддерживают не террористов, а политическую оппозицию [3, с. 46]. При этом Москва возлагала ответственность на Вашингтон за ситуацию в Ираке, ставшем после американского вторжения одним из анклавов терроризма и дестабилизирующем весь регион. Не лучше обстояли дела и в Афганистане.

Таким образом, осуществляя сотрудничество по борьбе с международным терроризмом, Российская Федерация и Соединенные Штаты порой по-разному подходили к определению того, кто является террористом, а кто – нет.

Подходы к созданию нового мирового порядка. В рассматриваемый период руководство США стремилось окончательно утвердить однополярный миропорядок, особо не считаясь с мнением международного сообщества. Неудивительно, что, претендуя на роль мирового лидера, Вашингтон не был готов и не собирался признавать на деле Москву равноправным партнером. Россия же не хотела больше играть по американским правилам и быть младшим партнером Соединенных Штатов.

Российские политики в подавляющем большинстве ратовали за многополярный мир, отстаивая право суверенных государств на собственный путь развития, отвергали гегемонию и диктат даже во имя демократии. В действовавшей Концепции внешней политики РФ, утвержденной президентом В. Путиным в 2000 г., говорилось о том, что Россия будет добиваться формирования многополярной системы международных отношений на основе взаимного учета интересов и коллективного решения ключевых проблем [4]. В многочисленных публикациях и выступлениях представителей политической элиты России жестко критиковалось и осуждалось внешнеполитическое поведение США в мире, особенно на Большом Ближнем Востоке. Правда, порой безусловно справедливая критика действий Ва-

шингтона переходила все разумные границы и в патриотическом угаре в вину американцам ставился даже Афганистан, хотя в 2001 г. Кремль поддержал антитеррористические усилия администрации Дж. Буша-мл.

Важнейшим пунктом, по которому позиции Москвы и Вашингтона разошлись, явилась американская политика демократизации мира. У России и США сложилось различное понимание того, как сочетаются западные нормы демократии с традиционализмом той или иной страны, а также того, правомерно ли насильственное внешнее вмешательство и насаждение демократии [1, с. 167–168]. Так, РФ снова ощутила свое величие на международной арене, вновь обрела потерянные достоинство и гордость. Москва стала оперировать такими категориями, как сфера влияния и держава, диктующая собственные условия в том или ином регионе мира. Россия была доминирующей силой в прошлом и должна была вернуть этот статус [5]. В 2006 г. на совещании послов в МИД РФ В. Путин впервые упомянул об ответственности России за глобальное развитие и призвал привести политическое влияние страны в мире в соответствие с ее возросшими экономическими возможностями [6, с. 265].

Несогласие Москвы с поведением США в мире получило широкую известность 10 февраля 2007 г., когда В. Путин на международной конференции по вопросам политики безопасности в Мюнхене заявил о неприемлемости однополярного мира, о гипертрофированном использовании Вашингтоном военной силы, нарушении норм международного права со стороны США. По его словам, однополярный мир «в конечном итоге означает на практике только одно: это один центр власти, один центр силы, один центр принятия решения. Это мир одного хозяина, одного суверена. И это в конечном итоге губительно не только для всех, кто находится в рамках этой системы, но и для самого суверена, потому что разрушает его изнутри» [7]. Речь российского президента стала настоящим шоком для Запада. Многие сочли это выступление даже началом новой «холодной войны». Но Белый дом отреагировал на мюнхенскую речь Путина относительно спокойно. Это объяснялось обострением положения в Ираке и Афганистане, поэтому дальнейшая конфронтация в российско-американских отношениях не отвечала интересам Вашингтона. Наоборот, Соединенным Штатам требовалось содействие России по ряду актуальных проблем мировой политики и международной безопасности. Тем не менее отношения продолжили ухудшаться.

Следовательно, позиционирование России в качестве независимого центра силы шло вразрез с американскими ожиданиями «попослушной России» и вызывало нарастание конфликтного потенциала в двусторонних отношениях.

Проблемы стратегической безопасности. США и Россия как две сильнейшие в военном плане ядерные державы мира были заинтересованы в сохранении стратегической безопасности, что находило подтверждение в заявлениях руководства двух стран. Так, 20 ноября 2004 г. во время саммита АТЭС в чилийском Сантьяго В. Путин и Дж. Буш-мл. обсудили совместную работу в интересах укрепления международной безопасности и стратегической стабильности, противодействие новым глобальным вызовам и угрозам. При этом Москва стремилась к новому договору по СНВ, но администрация Дж. Буша-мл. была к этому безразлична. Она преуменьшала значение договоров, направленных на предотвращение распространения ОМУ и осуществление контроля над ним. Вашингтон исходил из того, что в строгом контроле над ядерными арсеналами России нет особой необходимости, поскольку они и так слабеют [8]. Но когда Кремль начал масштабную программу обновления своих стратегических ядерных сил, многие в Америке забили тревогу. Огромные средства Москва направила на модернизацию баллистических ракет наземного («Тополь-М») и морского («Булава») базирования. В Вашингтоне стали раздаваться голоса о том, что возвращение сильной России чревато мировой дестабилизацией [9, р. 94].

В начале 2007 г. российское руководство впервые заговорило о возможном выходе России из Договора по РСМД. Однако ясности с мотивами такого решения не было. Если президент В. Путин и тогдашний министр обороны С. Иванов обосновывали его наличием ракет у целого ряда стран – Ирана, Индии, Пакистана, КНР, Северной и Южной Кореи, то начальник генштаба генерал Ю. Балухевский мотивировал подобный шаг Москвы планами развертывания в Польше и Чехии к 2012 г. элементов американской ПРО. Данные разночтения свидетельствовали о том, что реальные мотивы заключались в стремлении Кремля, после всех международных отступлений 1990-х гг., утвердить собственную самостоятельность на мировой арене, продемонстрировав стремление не отставать от США в ломке договоров по разоружению [10, с. 8–9]. Кроме того, за таким решением могли стоять интересы влиятельной кооперации ОПК и ведомств МО [10,

с. 16]. В свое время в запрещении этих ракет Москва была заинтересована намного больше, нежели Вашингтон [10, с. 7]. Действительно, выход из Договора по ПРО снова вернет в Европу американские ракеты средней дальности, которые будучи размещенными на территории стран ЦВЕ приобретут стратегическое значение. Кроме того, выход станет дополнительным аргументом по сплочению членов НАТО на антироссийской основе, в том числе по вопросам расширения на постсоветское пространство [10, с. 19].

Одновременно в российско-американских отношениях набирала остроту проблема противоракетной обороны. В своем выступлении в Мюнхене 10 февраля 2007 г. В. Путин подверг резкой критике планы Вашингтона по развертыванию элементов ПРО в Восточной Европе. Намерения США были расценены им как нарушение баланса сил в мире, влекущее новый виток гонки вооружений. При этом российский президент заявил, что в качестве ответных мер РФ может начать разработку новых видов наступательных вооружений [7]. Однако спустя неделю, 19 февраля 2007 г., на совместной пресс-конференции премьер-министр Польши Я. Качиньский и премьер-министр Чехии М. Тополанек выразили готовность своих стран участвовать в планах США по развертыванию ПРО. Тем самым вопрос, волнующий Москву, остался на повестке дня стратегической безопасности. Стороны, понимая наличие разногласий, пытались путем переговоров склонить друг друга к собственному видению ситуации. Так, 14–15 мая 2007 г. проблемы ПРО обсуждались С. Лавровым и К. Райс во время ее визита в Москву, а 7 июня 2007 г. на саммите «большой восьмерки» в немецком Хайлигендамме В. Путин предложил Дж. Бушу-мл. совместно использовать Габалинскую РЛС в Азербайджане в качестве альтернативы РЛС на территории Европы. Во время неформальной встречи Дж. Буша-мл. и В. Путина в американском Кеннебанкпорте, которая состоялась 1–2 июля 2007 г., российский президент развил свое предложение о совместном использовании Габалинской РЛС предложением включить в общую систему также строящуюся РЛС в Армавире. Вашингтон согласился на совместное использование Габалинской станции, но не отказался от собственных планов размещения десяти ракет-перехватчиков в Польше и радара в Чехии под предлогом защиты от предполагаемой иранской угрозы. Москва выразила несогласие с таким подходом, на что американцы обвинили Россию в нежелании

сотрудничать [11, с. 95]. После этого к проблеме ПРО стороны обращались еще неоднократно: например, 8–9 сентября 2007 г. во время разговора В. Путина и Дж. Буша-мл. на саммите АТЭС в Сиднее, а также 12–13 октября 2007 г., когда в Россию состоялся визит госсекретаря К. Райс и министра обороны Р. Гейтса для обсуждения со своими российскими коллегами вопросов стратегической безопасности.

В сочинской Декларации о стратегических рамках российско-американских отношений от 6 апреля 2008 г., принятой по итогам встречи В. Путина и Дж. Буша-мл., нашли отражение серьезные разногласия между Москвой и Вашингтоном по проблеме ПРО и вывода ударных средств в космос, над преодолением которых сторонам предстояло работать дальше [11, с. 95]. Ее обсуждения продолжились, но уже при Д. Медведеве.

Вопросы нераспространения ОМУ. Важное место в российско-американских отношениях занимали вопросы нераспространения ОМУ, которые неоднократно обсуждались во время встреч руководства двух стран. Как известно, наибольшую озабоченность мирового сообщества вызывали иранская и северокорейская ядерные программы, а также возможность попадания ядерного оружия в руки террористов, что являлось предметом обсуждения Москвы и Вашингтона. Но нередко стороны по-разному смотрели на решение данных вопросов. Позиции США и РФ существенно расходились относительно сотрудничества с Ираном: если американцы выступали за сохранение режима санкций в отношении Тегерана, то Кремль продолжал развивать российско-иранские отношения по разным направлениям, за исключением создания ОМУ. Так, 8 июня 2004 г. во время встречи В. Путина и Дж. Буша-мл. в американском Си-Айленде в рамках саммита «большой восьмерки» российский президент заявил своему коллеге о нежелании Москвы прекращать сотрудничество с Ираном. Это вызывало раздражение Вашингтона. Поэтому иранская проблема обсуждалась российским руководством с К. Райс во время ее визитов в Москву в октябре 2005 и 2006 г. Задачей США было не допустить блокирования РФ американской резолюции по Ирану в СБ ООН. Однако в результате переговоров С. Лавров заверил К. Райс в том, что Россия не станет препятствовать принятию этой резолюции [12]. При этом Кремль не свернул сотрудничество с Тегераном, в том числе и в сфере обороны. Вашингтон реагировал на него вводом санкций в отношении российских структур, заподозренных в поставках

Ирану военной продукции или продукции двойного назначения. Разумеется, Москва выражала протест. Так, 4 августа 2006 г. МИД РФ назвал неприемлемыми введенные Госдепартаментом США санкции против российских госкорпораций «Рособоронэкспорт» и «Сухой» по обвинениям в сотрудничестве с Ираном в сфере распространения ОМУ. Однако 28 декабря 2006 г. США ввели новые санкции против Рособоронэкспорта, а также Конструкторского бюро приборостроения и Конструкторского бюро машиностроения по обвинениям в содействии оборонным программам Ирана и Сирии. Тем не менее российско-иранское сотрудничество продолжилось. 16 января 2007 г. РФ завершила поставки Тегерану зенитно-ракетных комплексов Тор-М1, что вызвало негативную реакцию Вашингтона.

Иные направления российско-американского сотрудничества в сфере нераспространения ОМУ не вызывали таких разногласий. Что касается северокорейской ядерной программы, то Москва и Вашингтон осуществляли сотрудничество в рамках, начавшихся в августе 2003 г., шестисторонних переговоров по денуклеаризации Корейского полуострова. В результате переговоров Пхеньян на время не только «заморозил» свою ядерную программу, но и приступил к демонтажу реактора в Йонбене. Руководители России и Соединенных Штатов сходились во мнении относительно недопустимости распространения ядерного оружия. Поэтому 14 октября 2006 г. СБ ООН была принята резолюция 1718, требующая от КНДР приостановить свою ракетную программу и восстановить мораторий на запуски баллистических ракет. Данная резолюция ограничивала также поставки Пхеньяну продукции и технологий двойного назначения. В ответ Северная Корея пообещала отказаться от ядерных вооружений, как только перестанет ощущать угрозу со стороны США [13].

В целом Москвой и Вашингтоном активно принимались заявления, касающиеся вопросов ядерного нераспространения, поскольку обе державы были в этом заинтересованы. Так, 24 февраля 2005 г. на встрече в Братиславе В. Путин и Дж. Буш-мл. заявили о сотрудничестве по вопросам безопасности в ядерной сфере, а также достигли договоренности о сотрудничестве в области усиления контроля над переносными зенитными ракетными комплексами. Спустя два месяца, 19–20 апреля 2005 г., вопросы, касающиеся нераспространения ОМУ, были обсуждены в Москве К. Райс с В. Путиным и С. Лавровым. Затем

на саммите «большой восьмерки», проходившем 14–17 июля 2006 г. в Санкт-Петербурге, В. Путин и Дж. Буш-мл. приняли совместное заявление относительно сотрудничества в мирном использовании атомной энергии и противодействии распространению ядерного оружия, а также совместное заявление о борьбе с актами ядерного терроризма. Наконец, во время неформальной встречи Дж. Буша-мл. и В. Путина в американском Кеннебанкпорте 1–2 июля 2007 г. было принято Заявление о начале реализации совместной инициативы по укреплению режима ДНЯО и развитию международного сотрудничества в области ядерной энергетики путем создания глобальной инфраструктуры ядерной энергетики, которая должна позволить государствам развивать эту отрасль без размещения на своей территории чувствительных элементов ядерного топливного цикла.

Вмешательство США во внутренние дела России и реакция Москвы. В период второго президентства В. Путина «фактор демократического развития Российской Федерации и всего постсоветского пространства» стал определяющим со стороны Соединенных Штатов в российско-американских отношениях. Хотя на уровне президентов двух стран поддерживался дух дружбы и стремления к сотрудничеству по всем направлениям, в политическом истеблишменте США нарастали серьезные претензии к российскому руководству по причине сворачивания демократии и роста авторитаризма в России. Одним из поводов для критики со стороны Вашингтона стало усиление централизации в управлении страной и замедление стимулов для развития рыночных механизмов в российской экономике [14, с. 66]. Так, в сентябре 2004 г. сенаторы Дж. Маккейн и Дж. Байден инициировали обращение к лидерам западных стран, в котором говорилось о том, что РФ целенаправленно движется к авторитаризму, а В. Путин использует «милитаристскую и имперскую риторику» [14, с. 70]. По мнению политико-академического сообщества США, путинская Россия стала все больше отворачиваться от демократии. Кремль не только отказался от дальнейшего развития демократических институтов в стране, но и начал целенаправленный демонтаж созданных ранее демократических структур [15, с. 325].

В преддверии своего первого официального визита в Москву в качестве госсекретаря в апреле 2005 г. К. Райс в интервью раскритиковала процесс демократизации в России. По ее словам, «тенденции в области демократии не являются

оптимистичными. Централизация власти в руках президента за счет уравнивающих институтов, таких как дума или независимая судебная система, действительно очень беспокоят. Отсутствие независимых СМИ нас очень беспокоит» [16].

В 2005 г. Конгресс США вернулся к обсуждению вопроса о возможности исключения России из «большой восьмерки» по причине отхода российских властей от демократии. Так, 17 февраля 2005 г. была принята резолюция Сената о членстве РФ в «группе восьми». 14 мая 2005 г. аналогичная резолюция была принята Палатой представителей по инициативе конгрессмена К. Кокса, в которой говорилось о том, что американское руководство должно предложить другим членам «восьмерки» приостановить российское членство в группе, если Москва не будет придерживаться норм свободного, демократического общества. Подобное заявление сделал и сенатор Дж. Либерман, охарактеризовавший данные резолюции «ответом на действия президента Путина по подрыву демократии в России» [14, с. 70–71].

В связи с принятием в России закона о НПО в декабре 2005 г. Б. Лоуэнкрон, занимавший пост помощника госсекретаря по вопросам демократии, прав человека и труда, заявил, что Кремль действует наперекор демократическим тенденциям в мире, подвергая российское гражданское общество возрастающему давлению. В связи с этим Палата представителей и Сенат приняли резолюции, предложенные конгрессменом Г. Хайдом и сенатором Дж. Маккейном соответственно, в которых содержалось обращение к правительству РФ отозвать и переписать закон о НПО [14, с. 67, 71].

В целях давления на Москву американским истеблишментом использовалось и «дело Ходорковского». Так, в 2005 г. после вынесения приговора олигарху М. Ходорковскому сенаторы Дж. Байден, Б. Обама, Дж. Маккейн, Б. Карден, а также конгрессмены Р. Викар, Т. Лантос внесли в Сенат и Палату представителей резолюции, в которых «дело олигарха» было названо политически мотивированным, а сам бизнесмен незаконно осужденным.

В 2006 г. критика России со стороны американских русофобов усилилась в связи с вступлением РФ на пост председателя «большой восьмерки» и проведением ее саммита в Санкт-Петербурге. К вышеназванным предложениям американских законодателей об исключении России из G-8 отдельные представители политико-академического сообщества США рекомендовали Дж. Бушу-мл. не ехать на саммит. Кроме того,

американские законодатели активно выступали за ужесточение политики в отношении Москвы. Так, в марте 2006 г. сенатор Р. Лугар призвал президента США во время визита в Санкт-Петербург поставить вопрос о демократии в России [14, с. 75, 77].

В ответ на американскую критику связанные с Кремлем политтехнологи в рамках стратегического противоборства с США стали разрабатывать новые концепции развития страны. Как справедливо отметил российский американист В. Согрин, в отличие от одобренной В. Путиным и Дж. Бушем-мл. на встрече в Кроуфорде 13 ноября 2001 г. концепции «новых отношений», подчеркивавшей приверженность двух стран общим ценностям демократии и свободного рынка, эти концепции обосновывали «уникальность российской цивилизации», ее евразийский характер и защищали придуманную модель «суверенной демократии» как для России, так и для других стран [17, с. 518]. Тем самым подчеркивались самобытность РФ, ее непохожесть на Запад. Соответственно делался вывод о том, что западные политики и эксперты не вправе критиковать российские власти.

Таким образом, различия сторон в подходах к демократизации России легли в основу российско-американских разногласий и стали основным препятствием для формирования взаимовыгодного партнерства двух стран.

Соперничество на постсоветском пространстве. В 2004–2008 гг. администрация Дж. Буша-мл. продолжила курс на противодействие интеграционным процессам на постсоветском пространстве под эгидой Москвы. Целью Вашингтона в данном регионе стало геополитическое вытеснение России. Как известно, начиная с 2003 г. в ряде постсоветских государств (Грузии, Украине) произошла смена правящих режимов на еще более антироссийские. Прозападные политические силы получили существенную поддержку со стороны таких правительственных и неправительственных западных структур, как Национальный демократический институт при Демократической партии, Международный республиканский институт при Республиканской партии, Госдепартамент, Агентство США по международному развитию, «Фридом хаус» и Институт «Открытое общество» Дж. Сороса [18, с. 63].

Москва не скрывала своей обеспокоенности в связи с проникновением Соединенных Штатов на постсоветское пространство, которое российский политический истеблишмент считал жизненно важной сферой национальных интересов страны.

Поэтому Кремль был крайне недоволен прозападным курсом пришедших к власти в результате «цветных революций» политических элит в Грузии и Украине.

Одним из главных раздражителей в российско-американских отношениях на постсоветском пространстве в рассматриваемый период стала Украина. На президентских выборах 2004 г. в конечном итоге российский фаворит В. Янукович проиграл, а победил проамериканский политик В. Ющенко. Победа Оранжевой революции оценивалась в Вашингтоне как геополитическое поражение Кремля, стремившегося к воссозданию новой империи. При этом американцы не скрывали факт поддержки прозападных политических сил в Украине. Так, США официально признали, что на украинские выборы ими было потрачено 18 млн долл., поскольку администрация Дж. Буша-мл. рассматривала Украину в качестве «ответственного партнера» в решении международных проблем, Соединенные Штаты обязались оказывать Киеву всестороннюю поддержку [1, с. 172].

Когда в конце 2005 г. Москва увеличила цену природного газа для Украины, Вашингтон расценил это как применение «энергетического оружия». В частности, госсекретарь К. Райс раскритиковала Кремль за использование цены на природный газ в политических целях, заявив, что «так дела не делаются». По ее мнению, подобные действия России не отвечают требованиям, предъявляемым к участникам «большой восьмерки» [19]. Так, 4 мая 2006 г. вице-президент США Р. Чейни выступил в Вильнюсе на втором саммите Содружества демократического выбора с речью, в которой осудил использование Россией своих природных ресурсов в качестве инструмента внешнеполитического давления на своих соседей, а также обвинил российское руководство в нарушении прав человека, деструктивном поведении на международной арене и сотрудничестве с Ираном, Сирией, КНДР и Беларусью [20].

В период второго президентства В. Путина заметное место в российско-американских отношениях занял и грузинский фактор. По мере того как Тбилиси все больше сближался с Западом, Москва понимала, что прежнего российско-грузинского сотрудничества уже не будет. Как только Кремлю стало очевидно, что главная цель М. Саакашвили вернуть в состав Грузии Абхазию и Южную Осетию, а затем войти в НАТО, российская реакция в отношении грузинских властей становилась все жестче. Вашингтон, наоборот, всячески приветствовал движение Тбилиси

в западном направлении. Тем самым Грузия становилась одним из серьезнейших противоречий между РФ и США на постсоветском пространстве. Так, 29 сентября 2006 г. Соединенные Штаты заблокировали принятие на экстренном заседании СБ ООН российского проекта резолюции, осуждавшей «провокационные действия Грузии» и содержащей требование вывести грузинские войска из Кодорского ущелья с целью мирного урегулирования конфликта с Абхазией. В ответ 3 октября 2006 г. С. Лавров на пресс-конференции в Москве заявил, что Вашингтон спровоцировал кризис вокруг Грузии, и отверг любые формы посредничества США в налаживании российско-грузинских отношений. Американскому руководству пришлось пойти на определенные уступки и 13 октября 2006 г. СБ ООН поддержал российский проект резолюции по Грузии благодаря сближению позиций России и США по ряду международных вопросов, призвав Тбилиси вывести свои войска из верхней части Кодорского ущелья и воздержаться от «воинственной риторики и провокационных действий». Однако М. Саакашвили не оставил собственных планов объединить Грузию и войти в НАТО. Тем более что намерения грузинского президента находили поддержку в Вашингтоне. В апреле 2007 г. Дж. Буш-мл. подписал «Акт о консолидации свободы», который закладывал политико-правовую основу для вступления Украины и Грузии в НАТО. В ответ Москва предупредила, что это является для России «прямой угрозой» и «будет иметь самые серьезные последствия для общеевропейской безопасности» [6, с. 264].

Еще одним районом геополитического соперничества Москвы и Вашингтона стал центральноазиатский регион. Присутствие США в Центральной Азии после окончания активной фазы контртеррористической операции в Афганистане стало вызывать у российского руководства все большее недовольство. Кремль был обеспокоен возможностью осуществления в среднеазиатских государствах «цветных революций», инспирированных Вашингтоном. Примером стали события в Кыргызстане и Узбекистане в 2005 г. В силу того что пришедший к власти в Бишкеке К. Бакиев не стал дистанцироваться от России, свержение режима А. Акаева не рассматривалось как открытый антироссийский шаг [21, с. 158]. Что же касается попытки свержения режима И. Каримова, то неудача в Андижане рассматривалась как потеря для интересов США в регионе и выгода Кремля [21, с. 161]. Это неудивительно, по-

скольку Москва испытывала откровенный дискомфорт от военного присутствия американцев в Центральной Азии. Кроме того, Соединенные Штаты смешали в своей политике принципы распространения демократии с поиском выгод для себя в геоэкономическом плане, что не могло не вызвать раздражения у российской элиты [22, с. 69–70].

Возможно, урегулированию российско-американских разногласий на постсоветском пространстве могла бы способствовать его «финляндизация» – отказ от продвижения НАТО на Восток в обмен на обязательства Кремля уважать независимость бывших советских республик [18, с. 73]. Однако ни Москва, ни Вашингтон не пошли на подобный шаг, поскольку все еще надеялись одержать верх в этой геополитической борьбе за регион.

Заключение. Следовательно, в период второго президентства В. Путина российско-американские отношения имели тенденцию к их ухудшению. Сотрудничество Москвы и Вашингтона в таких важных для обеспечения международной безопасности сферах, как борьба с терроризмом, сокращение СНВ, нераспространение ОМУ, уступало место нарастающей конфронтации. Главной причиной охлаждения российско-американских отношений стало разное видение сторонами формирующегося нового миропорядка и их места в нем. Возвращавшаяся в мировую политику Россия начала активно противодействовать США по всем направлениям как внутри страны, так и за ее пределами, в том числе на постсоветском пространстве. В свою очередь, Соединенные Штаты, несмотря на надрыв своей имперской мощи в результате вторжения в Ирак, остались ведущей мировой державой и были не готовы сдавать геополитические позиции конкурентам, особенно РФ, списанной десятилетием ранее многими представителями американского политико-академического сообщества со счетов.

Другими словами, в 2004–2008 гг. Москва и Вашингтон вновь не оправдали надежды друг друга, что и привело к очередному периоду ухудшения российско-американских отношений, за которым последовала кратковременная «перезагрузка» времен президентств Д. Медведева и Б. Обамы, а затем наступил новый виток конфронтации, продолжающийся и по сей день.

Литература

1. Шаклеина, Т.А. Россия и США в мировой политике / Т.А. Шаклеина. – М.: Аспект Пресс, 2012. – 272 с.

2. National Security Strategy of the United States of America. The White House, Washington. March, 2006 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://nssarchive.us/NSSR/2006.pdf>. – Date of access: 09.06.2012.
3. Стоун, О. Интервью с Владимиром Путиным / О. Стоун. – М.: Альпина Паблишер, 2017. – 350 с.
4. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации 28 июня 2000 года [Электронный ресурс] // Кодекс. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901764263>. – Дата доступа: 19.07.2016.
5. Каган, Р. Россия и Китай угрожают миру [Электронный ресурс] / Р. Каган // ИНОСМИ.РУ. – 28.01.2008. – Режим доступа: <https://inosmi.ru/world/20080128/239199.html>. – Дата доступа: 01.07.2016.
6. Внешняя политика России. 1991–2016 / Т.А. Шаклеина [и др.]; под общ. ред. А.В. Торкунова. – М.: МГИМО-Университет, 2017. – 538 с.
7. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. 10 февраля 2007 г. Мюнхен [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>. – Дата доступа: 29.07.2018.
8. A Return to Arms Control [Electronic resource] // The Washington Post. – 2008. – June 2. – Mode of access: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2008/06/01/AR2008060101881.html>. – Date of access: 10.05.2010.
9. Rosefelde, S. Russia in the 21st Century. The Prodigal Superpower / S. Rosefelde. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – XXI+244 p.
10. Арбатов, А. Россия – США – Евросоюз: проблемы ПРО и РСМД / А. Арбатов // Современная Европа. – 2008. – № 3. – С. 5–21.
11. Каширина, Т.В. Проблема сокращения стратегических наступательных и оборонительных вооружений в российско-американских отношениях постсоветского периода / Т.В. Каширина // Новая и новейшая история. – 2014. – № 3. – С. 91–103.
12. Linzer, D. Russia Won't Block U.S. on Iran [Electronic resource] / D. Linzer // The Washington Post. – 2006. – January 12. – Mode of access: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2006/01/11/AR2006011102124.html>. – Date of access: 10.05.2010.
13. Ядерная программа КНДР [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 03.09.2017. – Режим доступа: <https://ria.ru/spravka/20170903/1501650356.html>. – Дата доступа: 31.07.2018.
14. Россия в современной системе обеспечения глобальной стабильности: политика и восприятие / отв. ред. А.А. Кокошин. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 208 с.
15. Баталов, Э.Я. Проблема демократии в американской политической мысли XX века / Э.Я. Баталов. – М.: Прогресс-традиция, 2010. – 622 с.
16. Кондолиза Райс добралась до Москвы [Электронный ресурс] // LENTA.RU. – 19 апр. 2005. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2005/04/19/ricel/>. – Дата доступа: 10.05.2006.
17. Согрин, В.В. США в XX–XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя / В.В. Согрин. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2015. – 592 с.
18. Батюк, В. Политика США на постсоветском пространстве после окончания «холодной войны» / В. Батюк // Международная жизнь. – 2011. – № 8. – С. 61–74.
19. Rice: Russia Uses Energy Wealth as Political Weapon [Electronic resource] // FOX News. – 2006. – January 05. – Mode of access: <http://www.foxnews.com/story/2006/01/05/rice-russia-uses-energy-wealth-as-political-weapon.html>. – Date of access: 10.05.2010.
20. Cheney at Summit in Lithuania Says Russia Has «Choice to Make». 4.05.2006 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://usinfo.state.gov/usinfo/Archive/2006/May/04-398238.html>. – Date of access: 17.02.2007.
21. Стент, А. Почему Америка и Россия не слышат друг друга? Взгляд Вашингтона на новейшую историю российско-американских отношений / А. Стент. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015. – 464 с.
22. Братерский, М. Политика США в Центральной Азии и интересы России / М. Братерский // Центральная Азия и Кавказ. – 2007. – № 4. – С. 64–72.

Поступила в редакцию 26.12.2018 г.